

и проституцию. В каких же измерениях существует подлинный труд? На этот сущностный и для педагогики, и для экономики, и для философии вопрос отвечает председатель общественного движения «Партия России»

Юрий Крупнов: **Духовно-преобразующая сущность труда, дающая смысл жизни**

Недавно меня ознакомили с результатами опроса московских школьников. Среди многих вопросов был и такой: «Что, на ваш взгляд, является главным для достижения успеха

в жизни?» **В ответах на него на первые места школьники поставили деньги и знакомства.** Труд оказался на последнем месте.

Что это означает? Прежде всего, гигантскую дезориентацию подростков и молодёжи в отношении к труду. И дело не только в том, что в их сознании после двадцати лет «перестроек» и «реформ» труд перестал быть основой успеха, заработка, карьеры. Более того: успех поставлен в прямую связь с нетрудом и антитрудом: удачей, везением, связями («блатом»), собственным унижением вплоть до прямого мошенничества или легальной кражи (захваты предприятий, искусственные банкротства и т.п.) **Эта нравственная катастрофа — уничтожение труда — одно из следствий утраты молодёжью смысла и природы труда: он перестал быть ключевой нравственной категорией общественного бытия.**

Об этом в явном виде свидетельствует и то, что статья о значении труда в нынешней Конституции страны исключена. Статья 37 Конституции Российской Федерации провозглашает: «Труд свободен». Абсолютно не понимаю: что это означает? Далее в законе: «принудительный труд запрещён», «каждый имеет право на труд» и даже на «трудовые споры».

Сравним это с конституционными положениями советского периода.

Конституция РСФСР 1918 года чётко устанавливала: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признаёт труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест!» Ещё яснее это было прописано в Конституции СССР 1936 года, в статье 12, которая гласила: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «Кто не работает, тот не ест». В Конституции СССР 1977 года в статье 14 говорилось, что «источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей. В соответствии с принципом социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду» государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления... Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека».

Сегодня труд уже перестал быть потребностью, значимой для подрастающего поколения, поскольку не стал значимым, как определяет нынешний основной закон, для всей страны. Последствия этого очевидны. И только решительно преодолевая это состояние, можно восстановить значимость труда в России на базе трудового воспитания подрастающего поколения.

Но чтобы произошло возвращение труда в школу и в сознание общества, необходимо разобраться: зачем нужен труд, почему это приоритетная проблема и, наконец, с тем, что собой сегодня и завтра должен представлять современный и переломный труд, — ведь **вводить подраста-**

ющее поколение следует только в передовой, а не отсталый труд.

Мировая проблема труда. Помню, как в середине 90-х годов меня поразили заботы и печали бургомистра небольшого немецкого городка Куза. Красивый и ухоженный городок этот известен не только тем, что в нём шестьсот лет назад родился и потом служил епископом выдающийся католический мыслитель и общественный деятель Николай Кузанский, но и тем, что расположен он в районе самого северного в мире виноградарства. Так вот, во время встречи в городской ратуше бургомистр со слезами на глазах рассказывал, что виноградарство на грани развала, поскольку молодёжь отказывается идти работать в эту сферу.

Бургомистр пояснил: выпускники школ куда угодно готовы идти, чем угодно заниматься — юристом, офисным клерком, на худой конец совсем не работать и жить на пособия, — только бы не идти «на село», не работать на земле, не заниматься мало престижным для них сельскохозяйственным трудом. Замечу, что виноградники в Германии больше похожи на хорошо ухоженные комнатные цветы, основные дороги к ним и внутри виноградников идеально асфальтированы и поездке по ним можно только позавидовать. Сельскохозяйственный труд в Германии всячески поддерживается экономически — превосходные машины, отличное снабжение и агрофирм, и отдельных крестьянских хозяйств. Как любят напоминать в Германии, только у крестьян в стране «мерседесы», поскольку другие сословия не могут себе позволить покупать такие дорогие автомобили.

Для меня эта ситуация оказалась абсолютно неожиданной. Я был уверен, что наши советско-российские беды с трудовой мотивацией молодёжи обусловлены исключительно «нашими» причинами: общим развалом позднесоветского строя, безобразными, как правило, условиями труда в совхозах и на заводах, а нередко плохой его организацией, экономической незаинтересованностью и,

наконец, бездарностью советского агитпропа — призывы старшеклассников «всем классом — в совхоз!».

Оказалось, что совсем в другой стране — благополучной Западной Германии — точно такие же трудности. И их никак нельзя свести к простому объяснению, например, что элитные виноградники — это, мол, «отстой» и нечего молодёжь туда загонять. Не помогают рассуждения о конце индустриальной эпохи и переходе к постиндустриальному труду, к «информационному обществу» или «обществу знаний», в котором основное место занимают офисные работы и информационные технологии. Но можно ли безапелляционно утверждать, что офисный труд сложнее, интереснее, благороднее труда «виноградного» или что в постиндустриальную эпоху обесмысливаются промышленность и агроиндустрия, «перемещаясь» в отсталые индустриальные и доиндустриальные страны и регионы?

Это не так!

Опыт последних тридцати лет показывает, что идеология постиндустриализма и верховенства «чистой бумажной работы» на деле **прикрывает разрушительные для самих развитых стран процессы деградации и исчезновения труда.** Уйти от привычного труда (со значительной долей физического) нетрудно — отсюда резкий рост услуг (в США до 80%), как и вынести промышленность и агроиндустрию в страны первого мира. Но крайне трудно в массовом порядке прийти к какому-то новому социально-масштабному труду. **В массе своей в странах Запада происходит не принципиальное усложнение и развитие труда, а фактический отказ от труда вообще.** В центр жизни ставятся даже такие «трудовые процессы», как развлечение и попытки получать вознаграждение без труда. Все начинают играть на бирже, пытаться сорвать куш одним махом, стремятся к выигрышам любой ценой, а «после нас хоть потоп». Одновременно с отказом от труда происходит резкое его упрощение и рост эксплуата-

ции («выжимания пота») в развитых странах — появляются своего рода анклав «третьего мира». **В этой ситуации пропадают ясные критерии труда, меняется и исчезает само его понятие.** Трудом начинают считать всё подряд. Если раньше труд рассматривался как систематическая деятельность, творящая безусловное общественное благо, то теперь трудом начинают называть что угодно. Функционирование, к примеру, молодых людей в Москве в системе транснациональных корпораций, занимающихся импортом в нашу страну продуктов питания (того же мяса). Эти «трудяги» тем самым ставят страну в продовольственную зависимость от Запада. Таким же трудом называется и производство отечественных продуктов питания фермером или агрофирмой. Никакой разницы между ними для правительства, населения, налоговых органов не существует. Разница же, и немалая, в доходах, рисках и условиях жизни есть и, понятно, не в пользу сельского жителя.

А вот воспитание детей в крепкой дружной семье, напротив, трудом не считается, поскольку традиционно не имеет экономического выражения и расценивается как частное дело частных граждан. И это в ситуации демографической катастрофы в стране, когда самым дефицитным её ресурсом становятся труд и трудоспособное население. Хорошо известно, что с 2007 года у нас начинается убыль способного к труду населения. Выходить на пенсию будут люди, которые родились в пору высокой рождаемости. Вступать же в трудоспособный возраст будет малочисленная молодёжь 80–90-х годов, когда рождаемость начала резко падать. До 2009 года сокращение будет малозаметным — на 100 тысяч в год. Затем начнётся обвал: сокращение по миллиону в год. Очень тяжёлым будет пятилетие с 2015 по 2020 год, когда сокращение трудоспособных людей будет составлять полтора миллиона в год. И вот в этой очевидной для всех критической ситуации рождение и воспитание детей даже не собираются у нас рассматривать в качестве труда. А работа в казино или в фирмах, занимающихся финансовыми спекуляциями, торговлей чужими товарами, считается и будет считаться трудом. Почти официально трудом по-прежнему будет считаться и «работа» киллера, проститутки. Более того: все эти, прости Господи, «труды», если ничего не предпринять, будут по-прежнему стоить дороже, чем труд крестьянина, учителя, врача и даже... учёного.

Возвращаясь к примеру с немецкими самыми северными в мире виноградниками, мы видим то же самое. Работа юристом в конторе с абсолютно неясными задачами и полезностью признаётся за труд, который престижен и высоко оплачивается, даже безработица фактически признаётся за своего рода труд (поскольку оплачивается пособием). И всё это находится в одной плоскости с уникальным виноградарством, которое создаёт абсолютное своеобразие региону, где находится городок Куза.

Преступную роль в нивелировании абсолютно разных деятельностей и уравнивании труда играет пропаганда, которая **вос-**

питывает у молодёжи антитрудовое мировоззрение. При этом самые передовые, авангардные для человечества сферы деятельности, реализующие высшие достижения науки или ключевые задачи общественного воспроизводства и развития, сегодня фактически не известны подросткам и молодёжи, не становятся предметом активной пропаганды на телевидении и в СМИ. А ведь именно им под силу сделать такой подлинно престижный труд зоной соревновательного вовлечения лучшей молодёжи.

Что же всё это означает? А то, что **труд сегодня стал мировой проблемой, которую необходимо серьёзно осмыслить и решать, если мы действительно хотим воспитывать молодёжь трудом и в труде.** «На дурачка», как говорится, дальше вводить в труд не получится. Бессмысленны любые мероприятия, построенные на идее о том, что любой труд — благо. Столь же бессмысленным и вредным становится стремление сводить эту проблему к игре рыночных сил, которые, мол, расставят всё по своим местам и ориентируют молодёжь.

Труд и антитруд. Что же такое труд вообще и в первые десятилетия XXI века в частности? Очевидно, труд прежде всего — это самообеспечение и эффективность деятельности. Но к этим функциям труд сводиться не может. Расхожие мнения о том, что «жить-то надо», «надо кормить семью», не проясняют вопроса о том, в какой именно деятельности мы участвуем. **Эффективность любой деятельности также не определяет понятие труда,** поскольку относится к условиям и средствам организации и не характеризует цели и смысл деятельности. Не может, например, считаться трудом эффективная деятельность, построенная на зверской эксплуатации людей ради увеличения прибыли, угнетении и тем более несущая опасность жизни людей.

Мало что говорит о труде и его деление на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный, поскольку в передовом современном труде не-

пременно присутствует индустриальная составляющая. Более того, ведущие обществоведы и философы мира определяют грядущие типы общественных систем не как постиндустриальные, а как сверхиндустриальные, т.е. **со сверхразвитыми индустриями**. И уж совсем мало добавляют к пониманию труда разговоры о замене индустриального труда постиндустриальным в виде услуг, о приходе так называемой сервисной экономики.

Блошинные рынки в какой-нибудь разрушенной африканской стране или провинциальном российском городке являются собой экономику, в которой все 100% составляет, как говорят идеологи постиндустриального общества, сервисная экономика. Однако эти «сервисные рай» трудно рассматривать в качестве чего-то большего, чем примитивное выживание в рамках почти дарвиновской борьбы за существование.

То же самое касается и информационно-коммуникационных технологий. Сколько балбесов ныне сидит у супермодерновых жидкокристаллических мониторов с суперпентиумными процессорами — и занимается активностью, которую трудно отличить от поведения наркомана или фаната. **Труд определяет прежде всего смысл и организационную деятельность.** Компьютеры — **всего лишь один из многих её элементов**. Хотя на каждое рабочее место в нашем автопроме сейчас поставь по суперкомпьютеру — толку никакого не будет, каждый понимает, что нужно нечто совсем другое — полное преобразование всей сферы производства и обслуживания отечественных автомобилей.

Подлинный труд существует совсем в других измерениях:

- в преобразовании отдельного человека и сообществ;
- в воспроизводстве и развитии систем деятельности;
- в достижении гарантированного высокого качества жизни.

Именно эти три аспекта деятельности и составляют понятие труда.

Труд — единственное средство самопреобразования человека, непрерывного восстановления им своей человечности. Дело не столько в образном высказывании Ф. Энгельса о том, что труд создал из обезьяны человека (что абсолютно не доказано и, скорее всего, невероятно), а в том, что **без труда человек теряет свою человечность, деградирует и на определённом этапе перестаёт быть человеком**.

Отказ от труда означает, прежде всего, расчеловечивание, деградацию человечности, утрату человеческой сущности. И речь идёт не только об отдельных людях, но о целых группах, массах — о народе. **В мире есть уже целые страны-паразиты** (Россия, к несчастью, близка к ним), существование в которых «мировое сообщество» искусственно поддерживает, поскольку тем самым не возбуждаются бунты и в полной мере остаётся возможность оприходовать и утилизировать природные и иные богатства этих стран в своих интересах.

Вторая сторона труда — **обеспечение заданного качества жизни, т.е. общественного блага**. Понятие качества жизни нельзя сводить только к товарам и услугам, поскольку оно выражает прежде всего достоинство (или его отсутствие) личности каждого человека и каждого сообщества. Но обеспечение заданного статуса — достоинства — невозможно без минимума вещей и услуг, доступа к общественным благам — энергии, товарам и продуктам, возможности участвовать в управлении, принятии решений и т.п. Активность человека или сообщества только тогда становится трудом, когда производит заданное качество жизни, т.е. является общественно необходимой и востребованной.

Наконец, труд есть организованная и встроенная в систему социально-экономических и политических отношений деятельность. Поэтому он воспроизводит или развивает определённую систему деятельности в едином мировом деятельностном процессе. Отсюда и предельно объективная оценка любого труда: если активность, работа ведут не к воспроизведению или развитию конкретной сферы деятельности, а к её деградации, к разрушению, то их нельзя называть трудом.

В 30-е годы с трудом было в целом всё ясно: миллионы вчерашних крестьянских парней и девчат шли на заводы и фабрики, в индустрии и города и с нуля создавали массовое индустриальное общество. Предельно точными стали слова песни: «та заводская проходная, что в люди вывела меня», поскольку **индустриальное развитие вводило молодёжь в передовую тогда формацию труда и предъявляло предельно высокие требования к трудящейся молодёжи**.

А вот с 70-х годов наша страна в целом «проспала» ситуацию, когда необходимо было проектировать элементы новой формации труда, культивировать новый труд, приглашать молодёжь к этому новому труду. Вместо этого силы тратились на пропаганду ложной перспективности старых формаций, даже откровенно примитивных и деградирующих. Системы деятель-

ности в период «постиндустриализации», «информатизации» никуда не исчезают. **Всегда побеждали и будут побеждать не те, кто отказывается от промышленности или сельскохозяйственного труда, а те, кто в состоянии развивать их, организовывать более эффективные и производительные индустрии.** Проблема в том, что ни принуждение планового хозяйства (приказ), ни принуждение рыночного хозяйства (конкуренция) не в силах не только развивать, но даже и воспроизводить труд, т.е. удерживать его на каком-то постоянном уровне общественного развития. Реальный труд существует только в постоянном воспроизводстве и развитии и этим необходимо целенаправленно заниматься.

Трёхсоставное понятие труда (преобразование человека, качество жизни, воспроизводство и развитие систем деятельности) имеет прямое отношение к труду в сфере образования. Элементы труда, выделенные в единое понятие, реализуются в едином духовном усилии отдельного человека или общности.

Труд — это каждый раз и всегда тяжёлое усилие по воспроизводству своей человечности, качества жизни и системы деятельности. Он складывается из духовно-волевого усилия, которым преодолевается хаос и разрушение всемирного целого и организуется развитие. При этом труд всегда является общественным в том смысле, что не отдельные индивиды, а множество людей, каждый со своей позиции, на своём месте, осуществляют единый целокупный труд. Высокие требования к труду означают не требования к каждому человеку изменить своими усилиями мир (это невозможно и не нужно), а способность отдавать себе отчёт: **в каком именно труде ты участвуешь и почему твоё трудовое усилие каждый раз является духовным.** Напомню известную притчу о том, как по-разному можно делать одно и то же, казалось бы, дело и как в зависимости от этого активность оказывается работой или трудом. Когда трёх рабочих каменоломни, перевозивших камни к месту строительства церкви, спросили, что они делают, то один сказал: «Перевожу камни в тачке, разве не видите?» Другой ответил: «Строю храм». А третий: «Душу спасаю».

Открытие Макаренко. Общество и школа, вооружённые понятием труда, могут совершать чудеса воспитания. И это доказал наш соотечественник, классик научной, природосообразной педагогики Антон Семёнович Макаренко.

Восемьдесят лет назад в СССР было совершено социальное открытие, которое является не только научно-педагогическим, но и политическим: **впервые в мире в организованном и воспроизводимом виде были показаны воспитательные возможности образцового, полномасштабного, т.е. наиболее высокого по развитию, передового и предельно полезного, требуемого труда.** Именно такой труд определяет общественную систему, поэтому вокруг него реалистично создавать образовательные детско-взрослые производственные сообщества — своего рода образовательно-воспитательные «реакто-

ры» высокой мощности. Такие сообщества названы «школами-хозяйствами».

Общеизвестно, что воспитанники трудовой колонии имени М. Горького и коммуны имени Ф.Э. Дзержинского ещё вчера были беспризорниками или даже преступниками. Но через короткое время они стали делать, как известно, по самым в то время передовым технологиям из Австрии и Германии электрооборудование и фототехнику, получали собственным трудом огромный доход, фактически существуя как полноценное эффективное предприятие. Тем самым реализовывался главный принцип А.С. Макаренко: «Только организация школы как хозяйства сделает её воспитывающей». Или, как формулировал этот принцип другой замечательный педагог того времени Игнатий Вячеславович Ионин (1893—1939), директор школы-колонии «Красные Зори»: «Не должно быть ни в деревне, ни в городе школы, которая бы не стремилась стать образцовым (подчёркнуто мною. — Ю.К.) хозяйством — городским или сельским». Как это происходило, хорошо известно по «Педагогической поэме», другим работам А.С. Макаренко.

Логика Макаренко была проста: высокоэффективное передовое, сложноорганизованное производство предъявляет такие требования к подросткам, так мотивирует их, что возникает возможность эффективного образования и воспитания. **Но производство и хозяйство должны быть именно образцовыми, совершенными — это и делает труд не только высокопроизводительным и рентабельным, но и воспитывающим.** Помните, в последний год работы Антона Семёновича в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского руководство НКВД предложило ему «не мучить детей» и поставить на их место взрослых-профессионалов. Макаренко ответил: «Мы здесь не фотоаппараты делаем, а людей». Разумеется, воспитывал при этом не только образцовый труд, но и учёба, быт, которые организовывались именно как образцовые.

Но именно труд был в колонии и средством воспитания, и способом познания и организации жизненного уклада. Поэтому воспитание получило свою полноту и истинность. Ставляющий сложные задачи и динамично развивающийся на основе образцового труда коллектив-сообщество — вот открытие Макаренко. Об этом, ещё как о проектном видении, писал он Максиму Горькому 16 июня 1926 года: «Потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперёд... с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае, из детей». Ещё раньше Макаренко сформулировал свой метод в Заявлении в Центральный институт организаторов народного просвещения в августе 1922 года: «Русская трудовая школа должна совершенно перестроиться... Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота».

Антон Семёнович имел все основания утверждать: «Я достиг положения, что мог брать группы по 50 человек прямо с вокзала. Я брал, скажем, сегодня вечером, а завтра я не беспокоился, и никто не беспокоился, как ведут себя вновь принятые дети в коммуне». И за восемь лет работы в колонии им. М. Горького (не говоря уже о в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского) педагог ни одного (!) из привезённых ему под охраной преступников не возвратил в тюрьму.

Открытие Макаренко состоит в том, что он понял, что такое труд, что подлинный труд, собственно, и производит людей и качество их жизни, то есть конкретно-историческое достоинство и состоятельность и поставил труд в основу воспитания, образования.

Воспитывает только образцовый труд. Выражение «трудовое воспитание» стало не только привычным, но и опасным, в нём растворяется главное в проблеме: **какой именно труд, какого уровня и степени совершенства необходим для воспитания?** Профанация трудового

воспитания и антивоспитание осуществляются тогда, **когда детей принуждают к примитивному и малоосмысленному труду.**

А.С. Макаренко немало сил приложил к объяснению неправильного употребления выражения «трудовое воспитание». В тезисах к лекциям для работников Наркомпроса (1938 г.) Антон Семёнович в качестве одного из «искривлений» в советской педагогике выделял этический фетишизм: «Ошибка... заключается в том, что и средство, и метод ставятся рядом с понятием, этическое содержание которого не вызывает сомнения. Такие ошибки совершаются нашей педагогической мыслью. Сюда нужно отнести многие попытки организовать так называемое трудовое воспитание. Соседство такого понятия, как труд, оказывалось достаточным, чтобы быть уверенным в спасительности многих средств, никакого отношения к труду не имеющих».

Сам Макаренко в центр своей образовательной системы ставил передовой и предельно сложный труд. Выпуск фотоаппаратов «ФЭД» требовал в то время очень высокого уровня организации труда. Сегодня этому соответствует примерно завод по производству компьютеров. **Образцовый труд, организация и содержание которого являются наивысшими в данное время, и определяет социально-культурный и возвышающий его уровень, что и делает труд образовательным.**

Такой тип труда был и в Кардымовском детском доме, построенном по макаренковскому принципу школы-хозяйства. Вот что писала «Учительская газета» (15 марта 1947 года): «Марк Романович Малявко (директор) — горячий сторонник того, чтобы при детских домах было своё хозяйство. Но оно должно быть обязательно образцовым. Если коллектив не в состоянии умело вести хозяйство, пусть лучше не заводит его. Лучше совсем не иметь пасеки, чем иметь плохую. Если разводить сад, так только хороший. Если держать корову, то только породистую... Свиньи у кардымовцев породистые, овцы тонкорунные, дойные коровы симментальские. Уход за скотом только абсолютно правильный. И так здесь во всём!»

Каковы же критерии образцового труда?

- Наукоёмкость.
- Высокий уровень организации.
- В качестве его субъекта — общность (сообщество).
- Создающий высокое качество жизни.
- Персонально организованный.
- Высокорентабельный.
- Требующий высокой квалификации работника.

Вот что об этом писал Макаренко: «Труд, дисциплина, быт, образовательная работа, будущее воспитанника и воспитателя — всё это должно располагаться по линии экономического прогресса коммуны с учётом основного фактора — экономического прогресса всей страны...»

А.С. Макаренко строил хозяйство на основе хозрасчёта и высокой рентабельности производства. Причём производство

в коммуне было не просто рентабельным, а высокорентабельным. Годовой баланс на 1 января 1934 г. составлял 63 млн рублей, а годовая прибыль — 4,5 млн рублей. Производство электросвёрл и фотоаппаратов ФЭД имело государственное значение, так как освободило государство от ввоза иностранной продукции на 1,5 млн рублей золотом в год.

А.С. Макаренко совершенно справедливо считал, что для подготовки высококвалифицированного рабочего мало одних только трудовых навыков: необходима теоретическая подготовка для работы с высокотехнологичным оборудованием, а также экономические знания. Чтобы научить воспитанников рационально хозяйничать и повысить их общий политический уровень, в коммуне были созданы специальные производственные кружки, которые охватывали всех коммунаров: кружок коммунального станка, материальный кружок (занимался изучением экономии материалов), кружок рационализации, кружок организаторов и кружок экономики производства. Здесь велась теоретическая и практическая работа по изучению правильного и экономного расходования материалов, возможностей изобретательства и рационализации производства. Коммунары знакомились с вопросами себестоимости, расценок, прибыли, зарплаты. Они читали техническую и экономическую литературу, совершали экскурсии на лучшие заводы Харькова, изучали своё производство и искали реальные пути его совершенствования, выявляли рационализаторов и тех, кто наиболее экономно расходует материалы, устраивали дискуссии по отдельным вопросам организации управления производством. Большой интерес вызывал кружок экономики производства. Он давал основы знаний по политэкономии, по проблемам экономического развития страны, по некоторым вопросам экономики производства коммуны, знакомил с себестоимостью, калькуляцией, с условиями договоров производства. Коммунары учились выявлять непроизводительные расходы, заводов коммуны и причины, их порождающие. Участников кружка интересовало сравнительное изучение расценок и зарплаты, различных её систем. Подобного рода деятельность позволяет однозначно рассматривать производство коммуны им. Ф.Э. Дзержинского как передовое, вводящее ребят в образцовый труд.

Сегодня необходимо интенсивно осваивать открытие А.С. Макаренко и на новых основаниях создавать систему школ-хозяйств, или образовательных хозяйств.

Это следует делать в форме детско-взрослых производств и академий.

Каждая академия (при производстве) занимается введением подростков в проблемы и процессы развития сфер приоритетного развития страны и мира. Примером может служить Детская ядерная академия, вокруг которой складывается детско-взрослое сообщество, объединяющее на основе проектной деятельности подростков разных регионов России и зарубежных стран с лучшими профессионалами ядерной сферы.

Подробные академии должны быть созданы, как минимум, в таких сферах, выделенных министром образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко в апреле 2005 года: ядерной, космической, биотехнологий, машино- и энергостроение и научное приборостроение.

Работники передовых сфер деятельности, как правило, определяют свой жизненный «вектор» и цель служения в подростковом возрасте и в обязательном общении с выдающимися лидерами, с личностями. Таким образом, речь идёт не о советской системе профориентации, когда задача состояла в том, чтобы помочь старшеклассникам выбрать профессию, а **о принципиально иной системе, когда старшеклассника увлекают фундаментальными проблемами, проектными идеями и личностями.** Только в этом случае возникает готовность и опыт служения — служить можно тому, что любишь, бесконечно уважаешь, что лично значимо.

Именно для введения подростков в самые перспективные сферы деятельности, в новые, только ещё возникающие, нарождающиеся науки и практики создаются детско-взрослые академии. Метод академий — образовательные проекты — является одним из ключевых аспектов персонального образования.

Академии вместе с производствами и могут составлять основу научно-образовательной промышленной группы в виде образовательных фирм, хозяйств и т.д. Их определяют такие базовые производственные процессы:

- обучение. Его результат — способные, знающие и умеющие выпускники;
- производство продукции, пользующейся спросом. Производство представляет живой образец современного предприятия. Учащиеся принимают участие не только в производстве продукции, но и в управлении этим предприятием: проводят маркетинговые исследования, ведут бухгалтерский учёт, осуществляют снабжение производственного процесса сырьём и комплектую-

щими изделиями, планируют производственную деятельность и контролируют исполнение планов;

- комплексная разработка перспективной продукции и технологии её производства;
- воспитание, ориентированное на формирование базовых ценностей, первая среди которых — труд, дающий смысл жизни.

В школу, в жизнь молодёжи мы обязаны вернуть труд. Но придётся сделать несколько неприятных выводов.

- Полноценность, достоинство, полнота и качество жизни не могут стать следствием отказа от социальности, от труда.
- Финансовые средства, полученные вне труда как задачи устройства жизни и не имеющие отношения к процветанию и повышению качества жизни для всех, — малополезны, а очень часто даже вредны. Не деньги благоустраивают жизнь. Привычные сетования чиновников всех уровней на то, что «нет» или «недостаточно средств», являются лучшим показателем бесплодности и неперспективности такого типа управления. Они всё ждут, когда у них появятся деньги, много денег, а тем временем имеющиеся средства (и немалые) размельчаются, направляются в бесплодное воспроизведение полностью себя исчерпавшей «советско-индустриальной» урбанизации, в размножение неперспективных форм жизни и труда.
- Если мы хотим восстановить страну и собственное достоинство, то мы должны определить как минимум на первую половину XXI века наш особый способ отношения к правильной «райской» жизни, конкретно ответить на вопрос о том, что именно и в чём именно будет проявляться и состоять наш всеобщий социально-массовый труд-работа «на рай», что именно будет восхищать нас и двигать нашу социальную жизнь. Либо это будет продолжение индустриальной программы с восхищением, прежде всего, техносферой — ракетами, трубопроводами, уникальными

заводами. Либо — продолжение курса на торгово-индивидуальное предпринимательство, когда проблем с общественным пространством попросту не возникает, поскольку вся энергия вкладывается в индивидуальное движение по собственным «штрекам и трассам», в индивидуальное спасение. Либо это будет новая программа развития страны, прежде всего, в виде перехода к усадебно-поместной урбанизации, которая организует страну в корпорации, обеспечивающие высокое качество жизни на собственной территории и земле¹. Иного, утверждаю, сегодня не дано.

Вопрос о том, может ли быть рай на Земле, является вопросом и о том, что сегодня является правильным и самым важным действием в России для каждого из нас, живущих и любящих нашу страну. Вопросом о том, в чём наш главный труд?

Без решения этой проблемы будут получаться тупиковые социально-экономические поделки по типу так называемой «стратегии Грефа», в которой долго и занудно поясняется, почему мы к концу первой четверти этого века сможем достичь уровня жизни Португалии конца века прошлого. Или по типу многочисленных ныне «программ мобилизации», из которых можно уяснить только то, что надо напрягаться, без каких-либо указаний на то, во имя чего напрягаться.

Персоналистская формация труда. На смену индустриальному массово-поточному труду на гигантских производствах и в системе ведомственно-отраслевой организации грядёт новая — персоналистская — формация труда, особенность которой — направленность на образование личности, организация работ на принципе личности.

Всё самое ценное и полезное в этом мире производится личностным усилием, предельным напряжением сил человека. Личностное усилие — источник всех благ и социально-экономического процветания. **Именно личностное усилие и его общение с другой личностью определяют качество труда.**

1

Усадебная урбанизация подробно описывается в книге А. Кривова и Ю. Крупнова «Дом в России» (<http://dvt.krupnov.ru/>).

Не абстрактное время труда, основа планирования, и не его рыночная стоимость, основа рынка, **а предельный уникальный и разовый результат как конкретное качество.**

Персоналистская формация позволит преодолеть фундаментальную ограниченность индустриальной формации, основанную на том, что все люди одинаковы, а также противопоставление субъективных и объективных факторов производства. Эти представления составляют основу марксизма, который до сих пор определяет концепции общественного развития и уж тем более ныне процветающий экономизм, и являются следствием «теоретического игнорирования личности» (С.Н. Булгаков) у Карла Маркса. **В основе экономического процветания любой страны лежит заслуга конкретного человека, сумевшего организовать свой личностный рост и тем самым воспроизводить и преобразовывать системы деятельности, осуществлять наиболее производительный, необходимый обществу труд.**

Именно персоналистскую формацию и необходимо брать за основу в качестве основы развития сферы образования. Личная образовательная программа разрабатывается, исходя из задач продвиже-

ния каждого ребёнка введением его в перспективную сферу деятельности, в новую науку или практику, интегрирует вокруг него все типы и виды его образовательной деятельности и образцовый труд.

Итак, **главная сегодня всеобщая задача — восстанавливать труд.** И начинать надо со школы. Пора перестать смотреть на школу как на непроизводительное и чисто бюджетное учреждение.

В современной экономической и социальной мысли традиционное для XIX и XX веков разделение между производительным и непроизводительным трудом серьёзно поколеблено. Уже сегодня **нормально работающая школа производит образованность и является тем самым организацией с самым что ни на есть производительным трудом.** Но этого мало. Надо наделять школы огромными участками земли (и иной собственностью), всячески поощрять связь школы с наукой и промышленностью, т.е. передовым, образцовым производством современного «постиндустриального» типа. **В ближайшие годы вполне можно планировать массовый переход школ к детско-взрослому производству. Это должно стать важнейшим направлением государственной политики.**

Производственный труд школьников связан ещё с одной, крайне важной и часто тревожной проблемой: охраной здоровья ребят. Напомним, что в декабре 2002 г. Государственная Дума РФ приняла Закон о ратификации Конвенции Международной организации труда № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению детского труда». Имеются в виду наихудшие его формы, такие, как принудительный труд, опасный для здоровья, вовлечение детей в противоправную деятельность, использование нелегального рынка детского труда и эксплуатация детей.

Журнал «НО» уже писал об этом (2003. № 10) в статье национального руководителя Международной программы по искоренению наихудших форм детского труда (ИПЕК) Алексея Бухарова. Исследования, проведённые ИПЕК в Москве и в Ленинградской области, выявили, что в столице дети с 6–7 лет начинают работать на улице в опасных условиях (6–7-летних «уличных» детей в Москве 8% из числа опрошенных, 8–9-летних — уже 21,9%). И в столице, и в Ленинградской области дети с 5 лет вовлекаются в противоправную «трудовую» деятельность.

Конечно, к школе это имеет в определённом смысле прямое отношение: пик детской трудовой активности приходится на 10–12 и на 14–16 лет. Но ведь дети пошли на улицу не от хорошей жизни и не школа организовала этот «поход», предупредив все его негативные проявления. «Уличный» труд в какой-то степени — следствие выдавливания из школы тех, кто неуспешен в учёбе, а в большей степени — трудовой незанятости детей в стенах школы. Отсюда и такой массовый стихийный «трудовой» поход под колёса автомобилей,

и на загазованные автозаправки, под власть «руководителя артели», который поставляет 10–12-летних девочек «клиентам». Наихудшие формы детского труда стали в России, увы, реальностью.

Можно и дальше продолжать анализ исследований, приводить убийственные факты, потрясать Уголовным кодексом. Бесплезно! Самый короткий путь к искоренению наихудших форм детского труда — продумать рациональные, здоровьесберегающие его формы в школе. Тогда программу «Уличные дети» можно снимать с повестки дня. А пока дети проявляют экономическую активность вне стен школы, при полной правовой неосведомлённости, подвергаясь к тому же дискриминации в оплате труда.

Об этом информирует нас научный сотрудник НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков Российской академии медицинских наук, доктор медицинских наук

Евгения Шубочкина: Школьники работают. Нередко — в тяжёлых условиях

Трудовая занятость подростков — новое и, безусловно, положительное для нашей страны явление. Ребята приобретают опыт трудовых отношений, который способствует их социализации, успешному вхождению во взрослую жизнь.

Однако нарушение законодательства в области использования детского труда приводит зачастую к негативным медико-биологическим последствиям. По заботиться о создании безопасных условий для трудовой деятельности школьников должны и государство, и общество. И, конечно, важная роль в адаптации детей к условиям современного рынка труда принадлежит школе.

Особенно возросла экономическая активность подростков школьного возраста в последнее десятилетие. Так, в 2000 году в Федеральную службу занятости обратились 1,4 млн человек — это на 40% больше, чем в предыдущий период. Учитывая возросшую потребность в трудоустройстве, служба занятости создаёт для ребят рабочие места. Подавляющему большинству обратившихся (80%) была предложена подходящая работа.

Стремление работать в свободное от учёбы время характерно для подростков и других стран, включая экономически развитые. Например, в США, Велико-

британии и Германии в течение учебного года подрабатывает каждый третий ученик старших классов. А в летние каникулы число работающих школьников увеличивается до 60–80%.

Временная работа даёт возможность подростку получить начальные профессиональные и социальные навыки, обрести опыт общения, определить свою профессиональную ориентацию, наконец, улучшить материальное положение. Положительное влияние на школьников оказывают и смена напряжённой умственной деятельности, к которой можно отнести учёбу, и адаптация к новым по характеру нагрузкам, если, конечно, они соответствуют их возможностям. Кроме того, социально полезный труд — важное профилактическое и воспитательное средство в борьбе с детской безнадзорностью и преступностью.

Вместе с тем использование детского труда — проблема, которая постоянно привлекает внимание международного сообщества, Международной организации труда, Всемирной организации здравоохранения. Обусловлено это тем, что дети, представляя собой дешёвую и социально незащищённую рабочую силу, зачастую подвергаются эксплуатации: занижается оплата их труда, не оформляется трудовой договор. Нередко возраст ребёнка, продолжительность его рабочего дня и характер работы противоречат